

Такое не забывается...

В памятные дни, когда ленинградцы отмечают 70-летие полного снятия блокады, публикуем воспоминания Клавдии Александровны Гончаровой. В них, как в зеркале, отразились судьбы многих людей, которым довелось пережить трагедию войны.

Моя мама, Вера Сергеевна Макеева (по мужу – Нестерова) – потовственная сестроречанка. Ее мать, отец и дед родились в Сестроречке, все мужчины в их семье работали на Сестроречском оружейном заводе.

Многим петербуржцам Сестроречк хорошо известен своей знаменитой петровской рощей и чудесным взморьем, но я помню его другим. Летом 1941 года наш городок опоясался противотанковыми рвами и окопами. На их сооружении работало много женщин и молодежи. Пролетавшие над их головами вражеские пилоты часто сбрасывали листовки со словами: «Дамочки, не ройте нам ямки, придут наши танки и зарюют вас в ямки» и т.п. К началу сентября 1941-го враг расположился по линии: северо-западная окраина Сестроречского Курорта – Белоостров, но его дальнейшее наступление было остановлено.

Наш дом на Литейной улице (теперь это – улица Токарева), построенный еще дедом Сергеем Васильевичем, в котором я жила с мамой, младшей сестрой Женей (1927 года рождения) и братом Сережей (он родился в 1924 году) (а наш отец Александр погиб еще до начала войны), был разобран на военные нужды, нас переселили в Разлив, на Гагаринскую улицу.

Уже в июле первого года войны началась эвакуация Сестроречского инструментального завода в Новосибирск, но некоторые цеха, работавшие теперь на оборону, были оставлены, в том числе, и цех, где

работала наша мама. В дальнейшем и эти цеха были переведены в Ленинград, на завод «Красный инструментальщик».

До войны я училась в школе №8, которая находилась в Советском переулке (после войны – это школа №435), в ней был размещен военный госпиталь, а учащихся перевели в здание деревянной школы в Разливе. Что мы, дети, могли знать тогда о войне? Думалось, что война, как простуда, кончится где-то через неделю или две, а потом снова будет привычная жизнь: лето, каникулы, речка!

В начале июля я самостоятельно отправилась в Ленинград, чтобы подать документы в медицинское училище, но их не приняли. Председатель приемной комиссии ответил меня в сторону и сказала: «Девочка, возвращайся в Сестроречк, через два месяца обучения все поступившие будут направлены на фронт, мы детей на фронт не имеем права посылать, ты будешь нужна своей маме».

Первыми обессилили мальчики. Пока не выпал снег, мы с братом Сережей и двоюродным братом Глебом еще ходили в Тарховский лесопарк, где собирали хворост и валежник, но настал день, когда на предложение пойти за дровами они отрицательно заматали головами. Упрямые и гордые, мальчики отказывались произносить слово «не могу». Хрупкие девочки, как ни странно, оказались выносливее. Недалеко от железнодорожной станции Разлив и сейчас есть продовольственный магазин. Здесь в блокадные дни «отоваривали» хлебные карточки. Хлеб подвозили свежий, мягкий, «тяжелый», то есть если бы он был черствый, то весил бы меньше, значит, пайка была бы больше. Так, стоя у прилавка, рассуждали мы, голодные подростки.

Как-то раз не весь хлеб распределили, что-то еще осталось, и никто в магазине не обратил внимания на парнишку лет четырнадцати, который ухитрился спрятаться за ящиками, стоявшими у дверей, он был закрыт сторожем на ночь в магазине. Утром его нашли мертвым, рядом с ним лежали несъеденные кусочки хлеба...

В начале зимы слегла мама, от дистрофии у нее отнялись ноги, затем слегла и младшая, Женя. Всю осень Сережа продолжал ездить на работу в город, но и его силы иссякли. Медлительность и покорность.

Нет, это были не свойственные ему черты! Еще недавно казалось, такой подвижный и крепкий, очень спортивный Сережа превратился в старичка, сосредоточенно собиравшего пальцем оставленные крошки хлеба на столе.

В его страшно округлившихся глазах застыл немой вопрос. Однажды ночью этот вопрос прозвучал: «Мама, мама, я ведь не умру?». Мама засуетилась, обреченно поправляя одеяло: «Что ты, что ты, нет, ты такая молодой. Ты будешь жить!» Утром Сережа затих навсегда. Помню, как мама долго не хотела разомкнуть рук, обвивших его шею, а я запомнила на всю жизнь скорбную складку его твердо сжатых губ. Мы зашили его в простынь, и через день я вместе с соседкой по дому отвезла на санках нашего Сережу на кладбище в Тарховке. Сюда подвозили трупы умерших от голода, и когда их накапливалось достаточно,

бульдозером выкапывали ров и зарывали. Другая соседка с первого этажа своих умерших детей закрыла в платном шкафу до весны, чтобы самой предать их земле, когда станет теплее и земля оттает.

Но пока зима продолжалась, и мороз 42-го года был необычайно суров. Поезда в Ленинград перестали ходить, а хлеб по карточкам мы могли получить только там. У мамы была рабочая карточка, у нас с сестрой – иждивенческие. Глядя на меня, кутавшуюся в платки, мама, не поднимаясь с постели, напутствовала: «Дочка, на улице на разговоривай с незнакомыми, не ходи никуда, даже если тебя будут приглашать!». По поселку Разлив уже ползли слухи о нападениях на людей, мы уже знали о случаях

людоедства. Страшно вспомнить, какой путь мне предстояло пройти от станции Разлив до Финляндского вокзала, где в Финском переулке находилась булочная. Иногда брат моей школьной подруги Володя Егоров подвозил меня до Горской на санях, но это было не часто, да и его вскоре забрали на фронт.

Я шла, а в ушах продолжали звучать мамины слова: «Ты старайся не останавливаться, не садись, не отдыхай по дороге, иначе заснешь и замерзнешь. Особенно опасной была дорога между станциями Лисий Нос и Ольгино. Тропа здесь была особенно узкая, снег глубокий. По дороге проносились автоколонны, покрытые брезентом, доверху наполненные спецснаряжением, боеприпасами, и тогда некоторые люди, шедшие, как и я, вдоль шоссе дороги, внезапно поверив в невозможное, будучи не в силах идти дальше, опускались на ко-

лени перед машинами, дрожащими губами умоляя их остановиться. Иные уже не могли потом подняться, так и оставаясь навсегда застывшими в снегу.

В 1943 году нас эвакуировали в Куйбышев, там маму поставили на ноги, но хромота сохранилась. Она поступила на работу на завод, а мы с сестрой учились в ФЗУ, я еще занималась легкой атлетикой в спортивном обществе и тренировалась на стадионе «Крылья Советов». Вернувшись после окончания войны в Сестроречк, мама стала работать санитаркой в Сестроречской городской больнице, где главврачом был Николай Евгеньевич Слупский. Иной раз я помогала ей в конце рабочего дня выносить мусорные ведра. Работавшие на стройке рядом

со зданием больницы военнопленные подходили к забору и, поднося пальцы рук ко рту, шептали мне одно только слово: «Мамочка». Мне становилось неловко, в то же время, их было жалко. «Нашли себе мамочку», – думала я и отказывалась выносить мусор, а маме говорила: «Не корми их, не надо, это же немцы!». Мама ничего не отвечала, но молча продолжала класть на дно ведра остатки хлеба и холодной каши, прикрывая сверху картофельными очистками.

Это теперь блокада кажется тяжелым сном, но мы-то знали, что такое голод! «Немцы» на поверку оказались румынами, но некоторые из них так и не дожили до возвращения на Родину, а те, кто выжил, перед отправкой домой, пришли проститься с мамой. В знак благодарности они настелили полы в нашей комнате и наперебой показывали фотографии своих родных и близких.

Как же они были счастливы, что живы и наконец-то едут домой! А я поступила в Сестроречское дошкольное педагогическое училище, в 1950 году вышла замуж за офицера, участника войны и обороны Ленинграда Виталия Константиновича Гончарова (1922-2009), который в 1956 году, после окончания высших офицерских курсов по специальности «инженер-химик», был направлен в Севастополь, где служил в ракетных войсках береговой обороны, а в 1961 году участвовал в Карибском кризисе (операция «Анадырь»). Жизнь продолжалась...

Клавдия Александровна Гончарова
(записала дочь – Н.В.Гончарова)

P.S. Да, война кроила порой неповторимые жизненные комбинации, вмешиваясь в устремления и желания людей, но лучше бы ее не было. Никогда.